

ЗА НАУЧНОЙ ЧЕСТНОСТЬЮ – НАУЧНАЯ СМЕЛОСТЬ

Е.В. Неверова

На нынешних чтениях были сделаны много интереснейших докладов, затронуты важные вопросы, и на одном из них хотелось бы остановиться особо. Речь идёт об этическом идеале научной честности. О требовании научной честности при изложении результатов исследования, то есть о недопустимости фальсификации, упомянул во вступительном слове Алексей Викторович Шестопал, о нём в том числе говорил в своем блестящем выступлении, не согласиться с которым невозможно, Михаил Александрович Шишкин. Кажется очевидным, что этот принцип не требует доказывания или обсуждения: если наука направлена на поиск истины и прирост истинного знания, любое искажение результатов исследования не только недостойно, но и недопустимо. Но об одном из аспектов этого идеала, наиболее злободневном для деятельности, прежде всего, молодых исследователей – аспирантов, который не был раскрыт в ходе чтений, следует сказать особо.

Многие молодые и опытные отечественные исследователи рано или поздно сталкиваются с тем, что научно-исследовательская деятельность в любом государстве имеет тесную связь с его нуждами. Это особенно актуально для МГИМО-Университета как вуза при Министерстве иностранных дел РФ, что предполагает его связь с политикой России в сфере международных отношений. Выполнение нужд общества наукой – явление само по себе совершенно нормальное. Как пишет Вячеслав Семенович Степин, научные круги (вместе с творческими

называемые им «интеллектуальной элитой») выполняют «социальный заказ» на изменения, так или иначе противостоя «бюрократии», то есть людям, немаловажная функция которых состоит в сохранении и воспроизведении стабильных основ жизни общества. Здесь Степин подчёркивает, что эта связь должна быть здоровой, то есть симбиозом, и не должна превращаться в выполнение наукой не общественного, а заказа исключительно государственного, нацеленного лишь на укрепление мнения «верхов». При этом, признает он, «...у гуманитариев, ... поскольку они испытывают значительно большее давление со стороны идеологических и политических структур, санкции к исследователям, отклоняющимся от идеалов научной честности, значительно смягчены». И это тоже нормально в определенных пределах. Получается, если обобщить эти две мысли – о том, что на исследователях лежит ответственность за инновации и что при этом их деятельность неизбежно подвергается влиянию со стороны государства, – что фальсификация результатов инновационных (то есть зачастую не соответствующих уже принятым идеям и концепциям) исследований может возникать из-за такого влияния. И даже если это проявляется в мелочах – «советах», «намёках» на то, что что-то лучше написать более осторожно, что-то лучше не писать вообще, а что-то так и «просят» под перо, – это ситуация, в которой за действительное, вынужденно или добровольно (поскольку отказ от выполнения негласного указания может повлечь наказание, а согласие – поощрение), принимается желае-

Неверова Евгения Владимировна – аспирант кафедры международного права МГИМО(У) МИД России.

мое кем-то другим. Грубо говоря, теории и идеи разделяются на «хорошие» и «плохие» в зависимости от того, насколько они соответствуют преобладающей политической линии.

Эта ситуация существует, многие, как уже говорилось, с ней сталкиваются, что отнюдь не означает, что она удовлетворительна. Напротив, сознавая колоссальную ответственность, лежащую на нас как на исследователях, за продвижение науки и, в качестве конечной цели, развития общества и человечества, мы не должны поддаваться своеобразному «эпистемологическому сталинизму», как Имре Лакатос в беседах называл оценку теорий как хороших или плохих, основываясь на суждении какого-нибудь Великого учёного или Великой группы учёных. Очень легко пойти по простому пути, «не высовываться», ничего не предлагать, не пытаться что-либо изменить, делать то, что уже решено и для чего только требуется послушный исполнитель. Но для исследователя подобное поведение этически неподобающе. Да, отказ от вступления в сделки с собственной совестью по какой-либо причине, кроме научной честности, требует научной смелости. И хотя это звучит наивно в свете общего скептицизма, царящего в обществе, включая научное сообщество, отказываться от этих идеалов в науке нельзя. Да, не принято говорить про мужество и идеалы, когда жизнь «очевидно жестока, неидеальна и несправедлива», но мужество, пытливость и стремление к лучшему – это те качества, которые всегда двигали упорное человечество вперед.

Настоящая реплика не призывает к отречению от всех авторитетов, самозабвен-

ной критике ради критики или бездумному противодействию предлагаемым «советам» или даже указаниям. Прежде, чем сопротивляться, необходимо в каждом случае установить, откуда эти советы и указания исходят и что достигается следованием им. В конце концов, заказы, нужды и интересы общества и государства должны совпадать и, хоть и не всегда, в действительности совпадают. Быть может, в некоторых случаях стоит принять предлагаемую тему, потому что она и в самом деле более востребована? Быть может, советы о большей осторожности происходят не от страха перед кем или чем-либо, а из чувства уважения к школе научной мысли, к которой присоединяется молодой исследователь. Новое необходимо, но ведь для того, чтобы построить новое, с использованием собственного продуманного, творчески сформированного замысла, необязательно разрушать то, что уже построено. «Гений места», о котором говорил Константин Михайлович Долгов, – это не только наш дом, город и страна, но также и наш Университет, наша *alma mater*. Он творит нас, молодых исследователей, и если мы возвращаемся в него, нужно быть готовым дать что-то взамен, выполнить ту часть общественного «заказа», которая отвечает и его потребности в развитии в том числе. Просто нужно не забывать о том, что, если уж делать это, то делать это честно.

*Neverova E. V.
Behind scientific honesty stands scientific
bravery*